

МАКС ЛАСЛО ГОЛОСА ИЗ БЕЗДНЫ

18+

Макс Ласло

Голоса из Бездны

«Автор»

2026

Ласло М.

Голоса из Бездны / М. Ласло — «Автор», 2026

Это ничем непримечательная автобиография одного ничем непримечательного человека. Я не известная медийная личность, чтобы обо мне было интересно читать, однако мне есть, о чём рассказать. Моя история о детских переживаниях и особенностях, о подростковых трудностях и становлении, об уже взрослой жизни в состоянии психической нестабильности. Пусть сухо, но я решил рассказать о своих проблемах, о том, в каком состоянии я живу сейчас и что на протяжении жизни способствовало формированию подобной дробной личности. Мало кто из психически больных может рассказать в деталях о своём состоянии, а уж тем более написать книгу. А людям всегда было интересно, что происходит в голове такого человека. Пока я ещё способен размышлять и писать, представляю вам этот путеводитель в тёмные уголки разрушенного сознания. Возможно, эта книга не будет интересна обычным читателям, но, быть может, станет полезна профессионалам в области психиатрии и психологии.

© Ласло М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Макс Ласло

Голоса из Бездны

Предисловие

Это уже которая по счёту попытка написать историю, либо автобиографию. Раз за разом пересматривалась идея, жанр, способ повествования и до сих пор я не уверен, на правильном ли выборе остановился.

В крайнем случае снова начну с чистого листа.

Итак, читатель, сперва нам необходимо познакомиться и помочь тебе понять смысл в общих чертах. Нас зовут Холден, Зиро, Восемь, Эйс и Тенши. Почему имён пять? Потому что мы – субличности одного человека с одним именем, у которого в прошлом была цельная личность, как и у большинства обычных людей. Для простоты понимания тех, кто не особо погружён в психологию и психиатрию, можете считать, что у нас ассоциативно-диссоциативное расстройство или ДРИ, оно же раздвоение личности. (Но сразу предупредим, что это не оно в своём классическом проявлении).

Какой-то промежуток повествования мы будем рассказывать в единственном числе – до того момента, когда начался раскол на субличности. Затем во множественном числе. Мы считаем, что так будет легче понимать хронологию, а кроме того, ты не будешь забывать о том, что нас в итоге стало несколько. Изначально мы планировали, что повествование будет идти по ролям, словно каждый пишет от своего имени, однако это показалось слишком сложным для понимания обычного человека. Возможно, в значимых местах повествования мы и будем разделяться на несколько голосов, но только по необходимости.

Поскольку в книге будет довольно много откровений, мы хотим сразу же защитить её: мы не стремимся нарушить закон своим повествованием, призвать читателя к каким-то противоправным действиям, заставить его перенять нашу точку зрения или пропагандировать какие-то действия или убеждения. Сразу снимаем с себя обвинения перед будущими критиками: за всю жизнь мы ни разу существенно не нарушили закон (к несущественному относится что-то вроде "несколько раз за всё время перешли дорогу в неположенном месте, и то в основном не по собственному желанию"). Почему мы считаем, что имеем право обсуждать даже те мысли, которые могут посчитать некорректными? Потому что мы пишем историю. В мире существует множество книг, сюжетов, картин, исторических записей, которые повествуют о насилии, ненависти, разных неуместных позициях и высказываниях и т.д. Всё это заняло свои места в мире, а поэтому надеемся, что и наша автобиография займёт своё.

Мы будем рассказывать обо всём постепенно, начиная с детства. Поскольку наша память повреждена, возможно, мы не вспомним все детали тех или иных отрезков жизни или событий, однако постараемся не привирать, лучше честно скажем о том, о чём забыли.

И последний вопрос: кому посвящена эта автобиография и для чего вообще мы её написали? Самое первое и эгоистичное: эта автобиография, естественно, посвящена нам и преследует цель продлить наше существование в мире через литературу. Даже если книга не обретёт известность, единицы могут узнать о нас и запомнить. Ещё одна функция этой книги – обучение. Возможно, кто-то извлечёт из неё для себя важные уроки или даже пересмотрит взгляды на жизнь. Если так, то на здоровье.

Глава 1

Я родился в городе Петропавловск-Камчатский в 2001 году. Моя семья к тому моменту уже была довольно большой: родители, бабушки, дедушки, братья, сёстры, дяди и тёти. От всех семейное древо ветвилось всё больше и больше в стороны. Однако при таком обилии родственников ничего не было гладко. И каких-то крепких семейных уз просто не существовало.

Для начала немного расскажу о родителях – то, что вообще знаю.

Мать родилась в городе Выборг в 1965 году. Тяжёлое время для жизни. Много непростых событий и в мире, и в стране. Её семья не была благополучной и обеспеченной. Сначала родилась она, а затем ещё две её сестры. Не буду говорить слишком детально, тем более знаю не так много. Отец у неё умер рано и внезапно, на утро после пьянки (хотя это был первый раз за долгое время, когда он выпил). Мать и без того имевшая пристрастие к алкоголю после его смерти стала пить без продыху. Младших детей она отправила в детский дом, а моя мать осталась жить с ней. Она, будучи ещё ребёнком, привыкла надеяться только на себя. В школу ходила в старой одежде, принадлежностей для учёбы не было, питалась чем перепадёт. Учиться любила и старалась, но учителя, видя её низкий статус, намеренно давили. Друзья были. Поэтому практически всё время она старалась проводить вне дома. Только ночевала там. Хотя иногда даже это не получалось, поскольку её мать могла запереться с каким-то мужчиной и не открывать до утра. Моя мать была сильной, серьёзной, умевшей постоять за себя. Она выросла. Её мать умерла. К этому периоду моя мать уже жила на Камчатке, где познакомилась с моим отцом.

Отец родился на Камчатке. Его семья была немного более обеспеченной. Однако его воспитанием занимались мало. И любви, даже при наличии двух родителей, он получить не смог.

(О его жизни я не знаю практически ничего)

Мои родители познакомились, когда им было около 17. Поженились где-то в 18. К 20 уже родились дети. Стоит ли говорить, чем это грозило? Двое людей, едва перешедших совершеннолетие, со сломанным детством, без воспитания, женившиеся в 18 и родившие троих детей в период с 20 до 25 лет (примерно). Любовь была, но начинала давать трещины. Отец любил гулять, пить. Им приходилось абы как зарабатывать на жизнь. После появления детей нагрузка возросла в сотни раз.

Постоянные ссоры, недовольство, отсутствие понимания, умения заботиться друг о друге и о детях: всё это вело к множеству трудностей. Мать часто сурово наказывала детей. Отец же в воспитании участия не принимал. Мать порой работала на двух, трёх, пяти работах, а отец лишь на одной, а в какой-то период и вовсе был безработным. Они часто меняли место жительства. Отец пил. Мать с ним скандалила. Так всё постепенно скатывалось в пропасть, в которой от любви осталась ненависть.

Когда родился я, родителям было уже под 40. Они жили в частном доме вместе с другими сыновьями. Какое-то время с ними ещё жила мать отца, которая часто упрекала мою мать, а ещё требовала к себе много внимания.

Моя мать, вымотанная, начала делать упор в заботу обо мне. Она решила хотя бы мне дать любовь и счастливое здоровое детство. Но она не знала, что просто любви и невнятной опеки для этого недостаточно.

Как я уже сказал, мы жили в частном доме. У меня была своя комната. В целом родители старались заботиться обо мне, как могли. Даже отец начал немного принимать участие. В тот период была инфляция, поэтому жили довольно бедно. Трудиться приходилось много. Но мне всегда старались покупать какие-то игрушки, одежду, кормить чем-то вкусным.

Я был очень тревожным и плаксивым ребёнком. Плакал днями и ночами. А ещё очень часто болел. Нередко даже был в реанимации. Как я помню, я действительно страдал от посто-

янной тревоги и многочисленных страхов. Я не любил шум. От криков и ругани нарастала тревога. Я часто представлял и прокручивал в голове страшные ситуации. К примеру, если отец чинил машину, я боялся, что капот упадёт ему на голову и отрубит её; боялся, что если родители куда-то поедут, то попадут в аварию и погибнут; боялся, что если останусь один дома, кто-то ворвётся и убьёт меня. Я боялся темноты, незнакомых, насекомых, животных.

Я не особо сильно любил играть с другими детьми. Хотя у меня были знакомые соседи моего возраста, я, чаще предпочитал находиться в компании взрослых, либо же играть самостоятельно или с теми, кто значительно старше. Помню, во время игры с одной девочкой, она писала на листке бумаги каракули, а я должен был сделать вид, что это некий документ. Но я не мог сделать вид, я лишь говорил: «а что ты написала? Мы ведь ещё не умеем писать».

Я имел привычку наблюдать и анализировать. Особенно это было связано с родителями. Поскольку обстановка в семье часто была напряжённой, я научился выступать связующим, определять эмоции родителей, их состояние и "мирить" их. Я мог часто спрашивать, любят ли они меня и любят ли друг друга.

В семье не было спокойно не только из-за ссор родителей, но и из-за братьев, которым тогда было уже ближе к 30. Они любили пить. Часто воровали деньги или вещи у родителей. Влипали в неприятные ситуации. Один брат вообще воровал и дрался, нередко сидел в тюрьме.

Сейчас я вспоминаю, что в то время я не понимал мир и людей. Всё казалось слишком страшным и сложным. Я предпочитал общаться со взрослыми и подражать им, наверное, потому что мне казалось, будто для них мир куда более прост и менее опасен. Я часто думал о каких-то глобальных вещах, о мире, либо фантазировал.

По каким-то причинам я очень плохо ел. В основном только сладкое и очень простую еду вроде хлопьев или макарон. Я не любил или боялся пробовать новое. Но больше всего отторгал мясо.

Среди игрушек у меня всегда был порядок, да и в целом в комнате. Всё было аккуратно расставлено по своим местам. И я очень не любил, когда посторонние трогали мои вещи или нарушали порядок. Кроме этого, помню, лет до 5 по ночам я довольно долго засыпал, так как боялся темноты. И иногда замечал, как в комнате появлялись светящиеся точки, которые летали, заставляли некоторые предметы "оживать", либо сами превращались в каких-то животных или персонажей. Один раз они превратились в Снежную Королеву, а в другой раз в множество насекомых.

Меня практически нельзя было оставить одного. Даже если дома никого не было 5 минут, у меня начиналась истерика. Кроме этого, я так и не начал ходить в детский сад. Меня пробовали отдавать в несколько разных, однако нигде я не находил места. Я плакал, убегал от воспитателей, не спал, почти не общался с детьми, не ел, мог весь день сидеть у окна и ждать мать. В итоге вплоть до школы я был дома, всегда и всюду ходил за матерью, даже на работе.

К слову, ещё до моего рождения мать начала довольно сильно интересоваться религией. Поэтому с детства начала растить меня верующим, рассказывала о боге и учила читать Библию.

Когда я пошёл в школу, я не особо был приспособлен к общению с детьми. Хотя я старался, всегда ощущал себя не-своим. Больше тянулся ко взрослым. Сверстники нередко казались глупыми и сложными. Я старался учиться хорошо, хотя концентрироваться на учёбе было непросто. Больше мешали частые болезни, из-за которых я пропускал очень много программы.

Был случай, когда один из моих старших братьев – Саша решил предпринять попытку самоубийства. Я тогда ехал домой с матерью и двумя другими братьями. Помню, когда вошли в квартиру, я увидел ванну с лежащим братом и красную воду. Нас с мамой сразу же увели в другую комнату. Я пытался успокоить мать, но она металась из угла в угол, дёргалась, кричала. Затем зачем-то схватила меня за ремень и сказала снимать его. Потом и вовсе упала в обморок. Я не знал, что делать, поэтому либо наблюдал, либо ревел, либо пытался её успокоить.

Нервы у матери были довольно истёртые. Частые многочисленные проблемы делали её вспыльчивой. Когда она помогала мне делать домашние задания, а я что-то не понимал, она могла ударить меня книгой или пеналом, накричать. Папа помогал ещё реже, однако тоже не сдерживался и ругался. Если мать не устраивал порядок в тумбочке, столе или в шкафу, она могла вымести все вещи на пол и заставить всё перебирать и расставлять по местам. Постепенно я начал видеть угрозу и в родителях. Для меня больше нигде не было безопасного места. В течение моих первых 9 лет родители пару раз летали со мной в отпуск в Санкт-Петербург. Им там понравилось. Наверное, поэтому они выбрали этот город для переезда. Когда мне было 9, они устали от проблем, высоких цен на Камчатке, отсутствия работы и от старших детей и решили "бежать".

Глава 2

Мы оставили родной город. Видно, там для нас места уже не было. Не знаю, с какими перспективами родители летели со мной в Петербург, но явно без чёткого плана и основания.

Поэтому первое время мы жили у троюродной тёти, бабушки и сестры. Они те ещё чудаки. Мои родители до сих пор на них смотрят косо, хотя сами не менее странные.

Через некоторое время мы съехали в первую в моей жизни коммунальную квартиру. Так близко соседствовать с другими людьми – чувство непередаваемое. К счастью, в этой квартире наши соседи были вполне хорошие. Общительные, достаточно тихие и чистоплотные. Я пошёл в новую школу. Как-то пытался влиться в коллектив. В основном я всегда находил одного-двух человек, с которыми общался теснее всего. И обычно они были такие же странненькие, как я.

Меня почти никогда не булили. Хотя я плохо помню коллективы из всех школ. Знаю точно лишь, что некоторые видели во мне странного замкнутого простака; в одной школе был парень, который любил называть меня дауном (бесят необразованные люди, которые используют названия болезней (даунов, аутистов и т.д.) для каких-то шуток или ярлыков); в другой школе меня в целом избегал класс. Иногда и учителя говорили за спиной, занижали оценки, отчитывали без повода.

Помню, для меня было стрессом находиться в окружении других, особенно на открытом пространстве вроде коридора или рекреации. Поэтому я начинал ходить кругами по разным плиткам, линиям и узорам на полу. Для меня это было вполне обычным ритуалом, он отвлекал от стресса и помогал занять время. Только сейчас я понимаю, как это могло выглядеть со стороны. Но это не мои проблемы.

Помню, пошёл с отцом в магазин за продуктами. В то время у меня уже был и телефон, и наручные часы. Видимо по счастливой случайности я оставил их дома. Мы купили продукты, но отцу нужно было куда-то ещё зайти, поэтому он отправил меня домой. Идти было всего несколько минут, был ясный день, повсюду люди. Когда я шёл мимо детской площадки, от которой до дома оставалось около 100 метров, ко мне подошёл мужчина (может даже молодой человек, наверное, ему было около 25-28) и ненавязчиво спросил, сколько сейчас времени. Я потянулся за телефоном, но вспомнил, что забыл и его, и часы дома. Поэтому так и сказал, что проверить нечем. Тогда мужчина пошёл чуть вперёд, но замедлил шаг, начал о чём-то будничном со мной говорить. Я сразу понял, что ему что-то от меня нужно, а если я доведу его до своего подъезда, ничего хорошего ждать не стоит. Я остановился, сделав вид, что устал нести пакет с продуктами и начал глазами выискивать взрослых на площадке (как назло автомобили заграждали меня тогда ещё низкого ребёнка). Тогда мужчина повернулся и подошёл ко мне вплотную. Он начал похлопывать меня по карманам и шутливо говорить, мол, ну давай, подкажи время, наверняка у тебя есть телефон, чтобы его проверить. Тогда я громко ему сказал, что если он не прекратит, то я закричу. И как только я собрался кричать, он закрыл мне рот и совершенно серьёзно сказал "я только проверю карманы". И он действительно их проверил, а как только убедился, что ничего ценного нет, спешно скрылся из виду. Я уже не помню, какие у меня в тот момент были чувства, но я явно был на грани истерики. Я быстро добежал до подъезда, оглядываясь по сторонам, и зашёл в квартиру. Позже вернулся отец. Он заметил моё состояние и спросил, что произошло. Я ему всё рассказал, а он решил пойти на улицу, чтобы найти того вора. Однако я в конечном счёте уговорил его не идти под предлогом, что он уже убежал, а лица я не помню (хотя на самом деле я боялся, что этот человек может причинить вред отцу, что было маловероятно). Матери я об этом не сказал, потому что не хотел её беспокоить и то же самое наказал отцу.

Был у меня ещё особый страх перед подъездом. Я боялся в него заходить, потому что он был старый, облезлый, на первом этаже всегда было темно, а иногда был открыт подвал. Я буквально каждый раз с разбегу влетал внутрь и в пару прыжков добегал до своего этажа.

На самом деле именно этот период жизни и лет до 15 я помню плохо.

Помню, что мы переезжали в другие коммуналки ещё много раз. И несколько раз я менял школы. Болел практически каждый месяц. Один раз был отёк Квинке, а в другой раз подхватил сальмонеллёз. На счёт второго, кстати, лежал в больнице и буквально в день заселения в палату заметил на сестринском посту надпись, что какой-то препарат нельзя вводить внутривенно, а только внутримышечно. Буквально через несколько дней, когда я был один, ко мне пришла медсестра, вынула из катетера капельницу и вставила шприц с препаратом. Как только она его ввела, у меня потемнело в глазах, тело затрясло, в животе начало гореть огнём, губы похолодели. Всё это длилось несколько минут. Медсестра, видно, ничего не сообразила, поэтому просто вставила обратно капельницу и сказала, что всё будет нормально, а потом ушла. А я большую часть дня оставался в некоем коматозном состоянии. Матери так и не смог объяснить, что произошло. Из моих фраз она решила, что у меня просто была боль в руке, которая уже была раньше в виде реакции на некоторые антибиотики. Только спустя годы я увидел в карточке с анамнезом препарат "преднизолон", который по тексту должен был быть введён внутримышечно. А мне ввели внутривенно. Забавно. Ну не умер и на том спасибо.

Помню, я любил фантазировать о разных вещах. Когда играл на улице, мог разговаривать с лужей или деревом, управлять ветром, говорить с животными. Всё это казалось мне таким же реальным, как ясный день. Я всегда очень любил природу и животных.

В какой-то летний день, ничем не отличавшийся от других дней, моему отцу кто-то позвонил. Он ушёл на кухню и долго не выходил обратно. В итоге мать вошла на кухню и спросила, "что случилось?". Я тоже зашёл, чтобы быть в курсе, потому что чуял, что-то не так. Отец посмотрел на меня и закрыл уши. Я попытался убрать его руки и мельком услышал фразу "Саша умер" (это старший брат на очереди после меня). Я тут же посмотрел на мать, потому что знал, что сейчас будет... Дальше были вопли, крики, слёзы, всё вполне типичное. Мы пытались её успокоить. Она никого не слышала, не видела. Потом она просто лежала. Часами, днями. Ещё недели и месяцы она была отстранённой от всех. Летала на Камчатку на похороны. А потом ещё многие годы периодически смотрела на фотографию брата, ревела, целовала её. Вы не поймите, я не осуждаю её реакцию. У всех она разная. Но как бы с ней был я – ещё несовершеннолетний ребёнок, которому нужна была мать, а не пациент, которого нужно было успокаивать и лелеять. Ну тут мнения у всех разделятся. Лишь одно скажу, что на какое-то время точку опоры я утратил. Как и доверие.

Примерно в тот год моя мать начала активно вливаться в роль верующей. Она и в детстве учила меня религии, читала со мной Библию и т.п., но тут решила заняться этим более активно. Мы ходили на всякие религиозные встречи, читали книги, проповедовали. Нас учили, что бог любящий, всегда помогает и прощает. А если мы будем послушны ему в согласии с Библией, то он спасёт нас, когда будет уничтожать всяких плохих людей. А ещё постоянно говорили, что вот-вот наступит конец.

Я очень сильно верил в это, потому что верила мать. Она с детства была для меня наибольшим авторитетом. Поэтому я хотел, чтобы она была рада. Постепенно я и сам начал верить в высшее существо, которое всё сотворило, любит нас, но никак не показывается, а заставляет просто верить. Но это вера не дала мне облегчения. Я всё также боялся людей, смерти, боли. Но среди прочего сюда добавился страх не угодить богу, страх не оправдать ожидания матери, страх допустить ошибку, страх быть уничтоженным из-за того, что не был послушным служителем. И тем не менее пришлось существовать в подобной среде.

Жили мы, кстати, чуть лучше, чем на Камчатке. Из еды могли позволить себе больше. Однако жилья всё ещё не было. Я до сих пор гадаю, куда делись все деньги с продажи имуще-

ства и как так вышло, что мы оказались совершенно ни с чем. Из этого я плавно перейду к моменту, когда мне было 13-14 лет. Родители приобрели двухкомнатную квартиру в Сланцах (Ленинградская область, 3 часа езды от города), причём приобрели, взяв кредит (к слову, стоимость жилья там крайне низкая). Таким образом мы с мамой переехали жить туда, а отец остался жить и работать в городе.

Глава 3

Скоро появятся более насыщенные главы. Довольно тяжело выколупывать крупинцы памяти, которая рассыпана как бисер. В целом практически все периоды жизни были наполнены проблемами и своеобразными несчастьями. Поэтому, быть может, мозг решил забыть большую часть. Видно, лишь с некоторыми особо острыми воспоминаниями он не смог справиться.

Не суть. В мои ~13 лет мы начали жить в тихом пригороде. Как и полагается, там я пошёл в новую школу. В одну из тех, в которой ко мне относились отрешённо. Людей в этом городе жило мало, друзей почти не было, ходить было некуда. В основном я сидел дома, либо учился. С матерью, ещё не оправившейся после смерти сына, отношения были довольно сложными. Она часто была не в духе, либо в депрессии, либо ещё в чём-то. Мы часто спорили. Помню, как-то раз я разбил градусник, и она долгое время кричала на меня, какой я идиот, что нам теперь делать и всё в этом духе. В другой раз я помогал ей передвигать кухонный стол, поскольку больше помочь было некому. Но я был ещё слабоват для эффективной силовой помощи. В итоге мы немного испортили линолеум и, кажется, сломали ножку стола. И снова шквал агрессии обрушился на меня, что я нихрена не могу помочь. В общем подобное происходило. Не часто, но происходило.

Вскоре я начал общаться с некоторыми знакомыми из религии. В целом мне было нормально, что был хоть кто-то "живой".

Поскольку у меня наступал период переходного возраста, я постепенно начинал приобретать свои взгляды. Но в то же время любая критика становилась чем-то вроде палки в колесо. К примеру, многое из того, что было доступно другим детям вроде любых игр, фильмов, праздников, друзей и прочего мне было доступно не полностью. Я мог делать лишь то, что было нормой в пределах религии. Нельзя было играть, к примеру, в стрелялки, смотреть Гарри Поттера, иметь игрушечный пистолетик, дружить с детьми не-из религии, отмечать праздники и т.д. Я не скажу, что это слишком жесткие ограничения. С одной стороны, они ограждали меня от многих поступков, о которых потом можно было бы жалеть. К примеру, я знал тех, кто ещё с 12-14 лет курил, пил, воровал, имел сексуальную жизнь. Фактически это не то, чему следует заниматься ребёнку, так что с этой позиции я благодарен религиозным ограничениям, которые оградили меня от многого. С другой стороны, эта обязанность лежит не на религии, а на родителях. Родители вполне имеют все возможности для того, чтобы тем же образом, но без религии научить ребёнка избегать дурных вещей. Много зависит именно от их способа воспитания, от доверительных отношений с ребёнком. Дети всегда ищут авторитет, и, если родители его заработали, ребёнок будет им послушен. Но, естественно, бывают и исключения. Если ребёнок асоциален, то ему вряд ли поможет даже религия. Так что есть польза в подобных религиозных ограничениях, но она слишком абсолютна.

Таким образом я постоянно боялся сделать то, чего нельзя. Приходилось во многом себя ограничивать и контролировать. Но помимо моего собственного чувства вины, что я делаю мало или плохо, был дополнительный судья в образе матери, которая любила регулярно напоминать, какие мы плохие служители, как мало делаем и какая у нас слабая вера. Иногда она обобщала, говоря о нас двоих, а иногда просто говорила мне, что я делаю мало и плохо.

Как вы помните, я с детства страдал от тревожности. Она и здесь всегда была рядом. Помимо всех уже описанных страхов и фобий, я всё также боялся людей, внимания в школе, учителей, родителей; не в общем плане, а в разных конкретных. И мне приходилось постоянно испытывать себя на прочность, особенно ввиду того, что религиозная деятельность заключалась ещё и в участии на встречах в виде ответов на вопросы, подготовки к разным заданиям

и проповеди. Таким образом я буквально был окружён тревогой и беспокойством. У меня не существовало зоны комфорта или доверительного человека.

В этот год жизни в Сланцах я начал часто страдать от панических атак, в частности по ночам. Тогда мать впервые отвела меня к детскому психологу. Я прошёл какие-то тесты, но точно и не помню, что в итоге сказали. Наверное, что-то про тревожность. Но особо после этого ничего не изменилось.

Помню один случай, который до сих пор вызывает психологический спазм. Отец, пока жил в городе, снимал комнату в коммуналке. Как-то раз он увидел в коробке в подъезде кошку. Это была, видимо, помесь сфинкса. Не полностью лысая, а браш. Он поговорил с матерью и забрал кошку к себе. Она была очень ему благодарна. Кошка оказалась невероятно доброй и ласковой. Так она какое-то время жила с отцом. Но вскоре ему пришлось переезжать, вернее, он не был уверен, где будет жить дальше и поэтому привёз кошку к нам в Сланцы. И всё бы ничего, но с нами уже на тот момент, как 3 года жила британская вислоухая кошка (а у них характер довольно жёсткий). В итоге эти кошки частенько дрались. Не то чтобы сильно, но покоя среди них почти не было. И тут случилось самое прискорбное. Мать на каком-то неведомом порыве пришла к мнению, что кошку нужно отнести на улицу в подвал. Для меня это было шоком. Во-первых, это кошка отца, во-вторых, мы спали её от бродяжничества и теперь возвращаем обратно, в-третьих, на тот момент была зима... В общем это было и без того ужасно, но ужаснее было то, что мать сказала, чтобы отнёс её я.

Я не буду оправдывать себя и не буду оправдывать мать. Знаете, в отношении животных я принципиален. Если человек причиняет животному вред, я это не прощаю. И не ищу оправдания или причины. Так и здесь, я не простил за это мать и не оправдываю её "нервы". Так и себя... я считаю, что должен был отказаться это делать и переубедить мать. Но, к сожалению, на тот момент она всё ещё была для меня своего рода абсолютом, авторитетом. Если она сказала, надо сделать. Поэтому я со слезами взял и отнёс кошку, которую звали Габби, к дырке в подвал. Да простит меня эта бедняжка...

Но и это не самое ужасное. Ужаснее то, что то ли в этот же день, то ли на следующий день мать сказала, что жалеет об этом и попросила вернуть Габби. Я её нашёл и вернул. Но на следующий день она сказала, чтобы я снова отнёс её в подвал, потому что они с нашей кошкой опять дерутся.

И Габби, и я дважды пережили предательство. До своей последней минуты я буду помнить эту малышку...

Что ж. Это основные события, произошедшие за год жизни в Сланцах. В итоге было решено, что делать там особо нечего и мы решили вернуться в Петербург к отцу, который на тот момент уже снимал комнату в другом месте.

Глава 4

Вот мы и на новом месте. В скольких районах мы только не жили.

На новом месте не было ничего необычного. Жизнь как жизнь. Хотя в то время мне казалось, что с переездом обратно в город, в семье появился некий луч надежды. Было ощущение, что всё уже должно наладиться. Ну пора уже!

И снова мы особо никого не знали. Начали лишь постепенно знакомиться с новыми местными соверующими. Мы часто гуляли с родителями. Иногда я сам выходил гулять, либо катался на роликах. В самом деле даже родители будто стали... комфортнее? общительнее?

Я пошёл в новую школу. И учился я в ней дважды. Первый раз я пошёл в 8 класс. Как ни странно, но я практически не помню коллектив. Разве что пару одноклассников. Как обычно, особо близких друзей у меня не было. Разве что пара, с которыми я общался чуть больше. За всё время болезней я пропустил уже так много программы, что даже перестал стараться учиться. Учителя внушали, что я отстающий и мне уже ничто не поможет. Хотя я в прошлом и в то настоящее время ходил к репетиторам, даже они не могли помочь. Я хотел учиться, но само отношение окружающих диктовало, что смысла уже нет – для меня это потеряно. Я не пытался срывать уроки или нарочно вести себя плохо. Наоборот, пытался быть хотя бы по поведению нормальным. Но что-то заставляло меня легко отвлекаться, особенно на задорных одноклассников, так что я мог дурачиться, смеяться, но без плохого умысла. За это учителя меня не любили.

Я отучился около полугода и со стороны классного руководителя поступило предложение, чтобы я остался на "второе полугодие" в седьмой класс с дистанционным обучением. Фактически мне пришлось перевестись на дистанционку на оставшиеся полгода в 7 класс, чтобы на следующий год, подтянув знания, снова вернуться в 8. Мы решили, что так будет лучше. Таким образом меня перевели в другой класс. Я там числился, но одноклассники даже не знали, кто я такой, лишь слышали о новеньком с дистанта. Тем временем я отучился и на самом деле чуток улучшил свои знания, пусть и не все и не по всем предметам. К моменту перехода в очередной 8 класс мы с родителями снова переехали, уже ближе к школе. В новой коммуналке нашими соседями были две девушки-соверующие и другая соседская девушка. Отношения между родителями снова начали превращаться в американские горки.

Всё это время мне приходилось учиться не только с пробелами в знаниях из-за болезней, но и с вечно нестабильной обстановкой в семье. В этот период отец снова начал более часто пить. Он, бывало, оставался на работе до поздней ночи, как это делал ещё до моего переезда в Сланцы, а я со своей тревожностью лежал и ждал, когда прозвучит тот самый звук открывания двери и внутрь завалится шатающийся отец, от которого веет алкоголем. Мать всем видом показывала своё недовольство. Иногда пинала пьяного отца, когда он начинал храпеть. Всё это было и грустно, и каламбурно. Постепенно у меня начала вырабатываться неприязнь к алкоголикам и пьяным людям. А также появился триггер на запах алкоголя. У меня чаще случались панические атаки. Посреди ночи я мог проснуться с ощущением, что задыхаюсь и вот-вот умру. Тогда мать снова отвела меня к местному психологу. Кажется, я пил какие-то витамины, сдавал тесты, но ничего более.

В новый восьмой класс я пошёл уже очно. Одноклассники наконец-то узнали, кто это тот самый таинственный новенький. В целом общался я со всеми нормально. Было даже две подруги, с которыми мы проводили практически всё школьное время. С удивлением я тогда начал узнавать, что нравлюсь некоторым девочкам. Для меня это было крайне странно, поскольку я никогда не считал себя привлекательным. И тем не менее как минимум четырёх девочкам я точно был интересен. Однако они мне интересны не были, как впрочем и все девушки.

Сейчас я упомяну часть биографии, которая у многих может вызвать отрицательный отклик. Но я не могу просто отпустить этот факт, поскольку он является неотъемлемой частью моей жизни и многих эмоциональных проблем, однако уделю ему лишь 1% от повествования. Я скажу просто: девушки мне были безразличны. Эта особенность с самого раннего детства.

Постепенно начинала складываться благотворная картина, ведущая к медленному разрушению моей психики. Немного в тему этого. Спустя некоторое время соседская девушка съехала с коммуналки, и на её место заселилась её мать. В целом мы жили вполне спокойно все вместе. Я часто ходил в гости к соверующим. Однако однажды мать той съехавшей девушки напилась. Оказалось, что она страдала от алкоголизма. И по какой-то непонятной причине она вышла на кухню и начала выставлять какие-то претензии моей матери. Я это услышал и вышел, чтобы следить за ситуацией. В какой-то момент эта женщина решила атаковать нашу стиральную машинку. Мать вышла на её защиту и выволокла соседку из ванной, по пути случайно (?) стукнув её головой о стенку и запихнула в её комнату. Соседка, к слову, расцарапала матери плечо. Как-то так. У меня была истерика. Отец частично заступился, наорав на соседку, чтобы она нас не трогала. Я в итоге вызвал полицию, ибо слово ребёнка слышат чётче. Поддатый участковый приехал, что-то записал на бумаге и уехал. Во всяком случае через несколько дней приехала дочь соседки и закодировала её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.